

УДК 94(4)
DOI 10.52452/19931778_2022_3_16

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛАТИНСКИЙ БЕСИТАРИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГАРМОНИИ МИРА ЖИВОТНЫХ

© 2022 г.

С.С. Грозов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

gryanik@outlook.com

Поступила в редакцию 07.06.2022

Статья посвящена изучению средневековых латинских беситариев. Ставится цель проанализировать представления о гармоничности животного мира, описываемого средневековым латинским беситарием. Автор прибегает к общенаучным методам (анализу и синтезу), герменевтическому и структурному анализу, историко-типологическому методу. На основании рукописей (Санкт-Петербургского и Ворксоповского беситариев) автор демонстрирует, как раскрывается гармония в образах животных и структуре самого текста. Поднимаются вопросы о том, как вписываются в животный мир «монстры» и существа нечистые. Делаются выводы об имманентном присутствии гармонии в качестве организующего принципа. Выделяются аспекты представлений о гармонии в беситариях: многообразие мира вообще и животных в частности, их упорядоченность, квазиерархичность, согласованность.

Ключевые слова: беситарий, гармония, животный мир, животные, шестодневы, Средневековье.

Средневековый латинский беситарий – один из самых популярных и в то же время мало изученных жанров средневековой литературы. Это легендарные сочинения, рассказывающие о животном мире (а также некоторых камнях и деревьях) и трактующие его в нравоучительных целях. Через зверей, птиц и других животных человек мог получить назидательный пример, освоить основные темы христианской догматики. С беситариями связано значительное количество мифов, к примеру, о том, что животный мир, запечатленный беситарием, хаотичен, поскольку в его тексте трудно обнаружить логику изложения и демонстрации животного мира, а на страницах «бок о бок» обитают сравнительно привычные нам существа и чудовища. Такой вывод зачастую делается из структуры источника и неверного понимания контекста беситарной литературы. Практически никогда не учитывается тот факт, что беситарный текст имеет множество редакций, где различно многое: от порядка и количества глав до самого текста. То же касается чудовищ и монстров – современное маркирование такого рода существ базируется на иных принципах и не может быть спроецировано на Средневековье.

Хаотичность же, заметная в беситариях на первый взгляд, при тщательном изучении пропадает, поскольку беситарий как источник, близкий к шестодневам и другим экзегетическим произведениям, в репрезентации животного мира следует пониманию всего процесса Творения как процесса гармоничного¹. Животный мир, подобно всему мироустройству, под-

чинялся определенному порядку – *ordo*, представления о котором были разработаны св. Августином [1, с. 23]. И если для Августина при упорядочивании мира важнее всего справедливость – *justitia*, то для средневекового беситария в описании природы будет важна именно гармония². В связи с этим цель нашей статьи – проанализировать представления о гармоничности животного мира, описываемого средневековым латинским беситарием.

Источниковая база

Средневековые латинские беситарии восходят к греческому «Физиологу», произведению, написанному, предположительно, в Александрии в III–IV вв. н.э. Именно «Физиолог» заложил основы жанра, подвергая оценке природные характеристики животных. «Физиолог»³ был создан для того, чтобы обеспечить христиан нравоучительными уроками, которым они могли следовать в своей жизни, а также объяснить христианскую догматику на доступных примерах [2, с. 25]. Этой цели придерживался также и беситарий⁴. В нашей статье мы будем опираться на текст Переходной семьи, известный в 6 рукописях, а конкретно на Санкт-Петербургский (РНБ, Lat. Q.v.V.1) и Ворксоповский беситарии (Morgan Library, Morgan M. 81) как наиболее ранние и мало изученные. Датировка их создания между 1175 и 1200 г., предположительно, в Линкольншире. Стоит отметить, что эти беситарии близки иконографически, однако их тексты не идентичны. Санкт-Петербургский беситарий стоит несколько

обособленно, возможно, будучи наиболее близким к некоему утерянному архетипу [3, p. 40].

Стоит отметить, что в отечественной историографии изученность даже Санкт-Петербургского бестиария ограничивается преимущественно кодикологией [4], тогда как средневековые бестиарии в целом затрагиваются лишь вскользь, выступая ключом к пониманию семиотических систем [1].

Гармония в образах животных

Представления о гармонии могут быть найдены как в структуре текста, так и в отдельных бестиарных статьях. Именно на них следует сфокусироваться в первую очередь, поскольку это позволит нам приблизиться к терминологии источника и отдельным аспектам интерпретации образов животных.

Само слово [H]armonia в тексте бестиариев практически не присутствует (за исключением импликаций в разделе лапидариев, которые чаще встречаются вместе с бестиариями Второй семьи), однако мы не можем говорить о том, что нет и представлений о гармонии. Так, в тексте неоднократно используется синонимичное *consonantia* – согласие или согласование, которое напрямую соотносится с гармонией. Так, лучшей иллюстрацией этого может быть описание ибекса (лат. *Ibex*). Бестиарий так описывает животное:

«Est animal, quod dicitur ibex, duo cornua habens. Quorum tanta fertitudo est, ut eum ab alto montis demissus fuerit ad uma, totum corpus his sustinet illae sum. Significat autem eruditos homines, qui dourum testamentorum consonantia quicquid adversi eis acciderit, quasi quodam salubriter temperare solent. Et velut duobus cornibus fulsi, bona que perpetrant veteris ac evangelice lectionis attestazione sustentant» [5, л. 34]⁵.

В данном случае речь идет о характере взаимодействия между двумя Заветами – непосредственной гармонии, согласии между библейскими текстами, разными по своей сути, но равноценными по своему значению. На наш взгляд, это наилучшим образом отражает принцип, использующийся в бестиарии повсеместно, – непротиворечивое согласование «различных» частей тварного мира в единое смысловое единство – *liber creaturae* – книгу природы.

Так, мысль о гармоничности тварного мира можно обнаружить, на наш взгляд, в главах о пчелах, представляющих собой модель общества; о муравьях, «общественное» поведение которых также привлекает внимание своей организацией.

И пчелы, и муравьи представляют удобные образы для выстраивания морализации, их коллективная и слаженная работа наделяют их

мудростью перед лицом читателей бестиария. И если пчелы – это излюбленные создания, образец для подражания в монашеской жизни и многом другом, то муравьи скорее дают пример должного поведения людей светских.

Что касается всевозможных гибридов и чудовищ, которые, на первый взгляд, не вписываются в представления о гармонии мира, то сама их гибридность или монструозность не является ни критерием для обобщения подобных животных в некие единые группы, ни фактором их маргинализации в условном «животном мире». Такие чудовища «растворяются» среди прочих животных, выделяясь скорее для современного человека, нежели для средневекового читателя. Куда более корректно было бы обратить внимание на существ нечистых (*animalia immunda*) и ответить на вопрос, чем является и как воспринимается нечистота животных в бестиарии, а также нарушают ли подобные существа мировую гармонию в животном мире. В целом принимая концепцию М. Дуглас о нечистом⁶, мы также находим справедливым постулирование нечистого как неупорядоченного [6, с. 65–66], а следовательно, имеющего отношение к анализируемой нами концепции гармонии как непротиворечивого согласования, т.е., фактически, упорядочивания различных существ по отношению друг к другу. Таким образом, нечистое можно было бы интерпретировать как нарушение этого порядка. Для изучения этих вопросов мы обратимся к описаниям ласки и гиены – ярким примерам не только животных нечистых, но и того, насколько размыты границы «естественности»⁷.

Первым делом остановимся на ласке (лат. *mustela*). Описание существа в обоих рассматриваемых бестиариях неидентичны текстуально, однако сопоставимы в своих акцентах. Так, Ворксоповский бестиарий рассказывает о ласке следующее: *«Hec ingenio subdola in domibus etiam vero nutrit catulos suos ut genuerit. De loco ab locum transsert, mutataque sede locat serpentes et mures persequitur. <...> De mustela praecepit lex non manducare, quia immundum animal est. Physiologus dicit, quoniam mustela semen masculi per os accipit et sic in utero habet. Tempore uero pariendi per aurem generat. Dicunt etiam perite medicine, ita ut si forte occisi fuerint earum fetus, si muenire potuerint, rediuiuos faciant...»* [7, fol. 30v-30r.]⁸.

Нечистота животного, отмеченная ещё в Священном Писании (Лев. 11:29), в данном случае лишь одна из причин, по которой ласка выходит за грань обычных животных. Куда более серьезным поводом становится описание особенностей «противоестественного» деторождения у ласок. Однако важно понимать, что ни то, ни другое не демонизировало животное в

полной мере. Даже в книге Левит нечистота ласки исходит из того факта, что она попадает в круг животных, которые имеют «две руки и две ноги и которые при этом ходят на всех четырех <...> ласка, мышь, крокодил, землеройка ...» [6, с. 91]. Соответственно, она попросту не соответствует классу, к которому принадлежит, а потому нечиста. Сам класс же опирается на весьма простую схему устройства миропорядка из книги Бытия – по принадлежности к земле, водам или к тверди небесной, где каждое животное должно было «соответствовать» друг другу: в небесах – двуногие птицы летают с помощью крыльев; в воде – чешуйчатые рыбы плывут с помощью плавников; на земле – четвероногие прыгают, скачут или ходят.

Особую важность для нас имеет другая характеристика ласки – «противоестественный» способ зачатия⁹. Английская исследовательница Д. Хассиг подробно анализирует специфику восприятия этой истории, фактически послужившей «средством» решения проблемы непорочного зачатия – т.е. подобно тому, как это делает ласка, «Христос был зачат через ухо» [8, р. 29–30]. Подобная догматическая нагруженность образа существа очевидным образом перекрывала собой неординарность животного, в иных случаях приводившую к его маргинализации и/или демонизации. Ласка же, несмотря на свое описание, демонстрирует нам одну из граней восприятия животных нечистых и даже экстраординарных, которые не выключаются из животного мира, существуя там в качестве определенных исключений, поскольку они не являются случайностью. Случайность же, по определению св. Августина, – это «не имеющее никаких причин, или происходящее не от какого-либо разумного порядка» (Aug. De civ. Dei. V. 1). Тем временем именно этот разумный божественный порядок бестиарии и демонстрируют. Такой порядок мы можем назвать гармонией, поскольку все её части создают единое непротиворечивое целое.

Как мы уже отметили, в бестиарии неоднократно так или иначе упоминаются брачные повадки зверей. Особняком в этой сфере стоит гиена. Причиной этому является описание животного как имеющего две природы – женскую и мужскую.

Сам текст, как и в случае с лаской, неодинаков в Санкт-Петербургском и Ворксоповском бестиариях, однако опять же акценты, расставленные в нем, совпадают. Приведем фрагмент описания гиены из Ворксоповского бестиария: «*Est animal, quod hyena in sepulchris mortuorum habitans, eorumque corpora vescens. Cuius natura est ut aliquando masculus sit, aliquando femina.*

De quam lex dicit nec manducabis hienam, neque quod illu est similie, quam immundum est. Solinus multa mira refert de ea: primum quod sequitur stabula pastorum, autem circuit domos per noctem, et assiduo auditu addiscit vocamen, quod exprimere possit imitationem vocis humane, ut hominem astu accitumno nocte se viat...» [7, fol. 14v]¹⁰.

Стоит уточнить, что под тем, что гиена бывает иногда мужского, иногда женского пола, имеется в виду способность животного в разное время принимать на себя любой пол. Неоднократно это фиксируется в миниатюрах, где изображаются два вида органов сразу.

Гиена вновь называется бестиариями животным нечистым, хотя в данном случае её нечистота исходит не от несоответствия зоне обитания, а от того, что, во-первых, она способна менять свой пол, а во-вторых, она живет среди мертвых. Таким образом, гиена в каком-то смысле выбивается из ряда зверей в связи с физиологическими особенностями. Контакт с мертвыми также несет в себе характеристику нечистого. Аллегория гиены, следом за полным текстом описания из бестиариев, сравнивает животное с иудеями, «поклонявшимися сначала Богу, а затем идолам». Для нас же важно, что, несмотря на свою особенность и нечистоту, гиена в бестиариях подвергается достаточно объемной морализации, обличающей иудеев, «поклонявшихся истинному Богу, а потом подавшихся в роскошь и идолатрию» [8, р. 146]. А следовательно, её образ, как и у ласки, оказывается в каком-то смысле «полезен», но уже в целях нравоучительных. Нечистота же гиены вновь постулирует запрет на поедание гиены, однако мы не наблюдаем иных существенных следствий этой характеристики. В рамках средневекового бестиария можно условно выделить существ, уподобляемых Христу или Дьяволу. Несмотря на визуальный образ гиены, её описание и морализации, дьяволу она не уподобляется и если демонизируется, то лишь в визуальном образе и вследствие того, что питается умершими и обладает неким подобием магических талантов. Таким образом, затруднительно говорить о том, что она выключается или каким-либо образом нарушает гармонию. Через физиологическую особенность животного для человека доносится поучение, подобное тем, что выводятся из образов других животных в бестиарии.

Таким образом, несмотря на то, что нечистое действительно можно интерпретировать как нарушение определенного порядка (и гармонии, которой описывается порядок), мы не можем говорить о том, что нечистые животные нарушают гармонию непосредственно в организа-

ции животного мира. Кроме того, к моменту появления бестиариев понимание нечистоты серьезно отличалось от такового в книге Левит. Ни диетарные, ни иные запреты, установленные христианской догматикой, не имели серьезного влияния на средневекового человека любого сословия за исключением времени постов.

Животные нечистые на тех же правах входят в состав всех прочих животных, абсолютно так же в их состав инкорпорируются и монстры, гибриды, чудовища. Для бестиария между такими «необычными» существами и более привычными животными не столько не существует разницы, сколько отсутствует сама необходимость её излишне подчеркивать. Для бестиария все они – создания божьи, а потому составляют единую общность. Тем не менее каждое животное, вне зависимости от того, какая морализация выстраивалась на основании его образа, имело отличительные черты, демонстрирующие многообразие тварного мира, созданного Богом. Именно таким этот мир и стремился передать средневековый бестиарий, в особенности Переходной семьи, демонстрируя большое разнообразие представителей животного мира, в полной степени позволяющих откликнуться на призыв св. Августина «понять слово Божье в книге природы».

Стоит заметить, что бестиарий, формально и являющийся такой книгой природы, следует рассматривать отталкиваясь от его структуры, демонстрирующей нам то, как представляются различные части животного мира, а также их взаимодействие между собой.

Гармония в структуре текста

«Согласование» – одно из важнейших составляющих гармонии – представляется нам важным элементом и для структуры всего бестиария. В связи с этим нам необходимо обратиться к расположению бестиарных статей, их взаимосвязям, а также выделить основные принципы, позволяющие говорить о гармоничности всего бестиарного текста.

Следует оговориться, что текст глав и их порядок обусловлены двумя моментами:

1. Библейским текстом о сотворении мира, расположенным перед бестиарием (Быт. 1. 24–25);

2. Протоисточниками, использованными для составления Санкт-Петербургского бестиария¹¹.

В структуре рукописей заметно единовременное стремление и к библейскому порядку сотворения животных, и к сохранению присутствующей бестиариям Первой семьи тесной взаимосвязи с латинским «Физиологом» в последовательностях и морализациях и также стремление расширить количество статей. Эти устремления предопределили появление необычной и, на

первый взгляд, неоднородной группы, похожей на промежуточный этап в развитии бестиарного жанра.

Библейский текст, постулирующий деление животного мира по зонам обитания, представляется нам важной и основной опорой гармонии животного мира в бестиариях этой редакции. Он позволяет структурировать и определенным образом классифицировать животных, определить их место в Сотворенном мире. Путем этого животный мир становится упорядоченным, поскольку каждая «страта»¹², с рядом исключений, представляет собой монолитный блок существ одной зоны обитания; в рамках каждой «страты» заметно выстраивание «квазиерархии» (звери – лев; птицы – орел; рыбы – сэрра; змеи – дракон). Само же расположение этих блоков выстраивает определенную иерархию в животном мире. Что касается исключений в самих блоках, то они следуют из прошлых редакций бестиариев и, на наш взгляд, не нарушают общую гармонию.

Для понимания гармонии в бестиарии нам важно также отметить, что животные в нем взаимосвязаны на символическом уровне через т.н. «сквозные темы». Подробно такие сквозные темы описала американская исследовательница В.Б. Кларк, опираясь на текст бестиариев Второй семьи [9, р. 42]. Такие темы просматриваются и в бестиариях Переходной семьи, поскольку так или иначе исходят не из общности статей, стоящих рядом по порядку, а из отдельных морализаций внутри них. Эти морализации позволили Кларк классифицировать статьи в три большие категории: «теологические»; «о праведной жизни»; «о грешной жизни», по которым распределены 28 тем, раскрывающихся через животных: «Христос»; «Христологичность»; «Спасение»; «Два завета»; «Апостолы и пророки»; «Целомудрие» и проч.

Для нас важным является тот факт, что эти «сквозные темы» на протяжении всего текста повторяются через разных животных, а следовательно, выстраивают целую паутину смыслов, связывая в единое целое разных животных и их символические толкования. Многие статьи можно соединить смысловыми «мостами», выстроенными на схожести тем и сюжетов или на их противопоставлении. К примеру, в статьях об антилопе и ибексе затрагивается тематика двух Заветов – человек может на них положиться для спасения от греха и дьявола; статья о муравьях, повествуя о разделении зерна, добавляет к морализациям по поводу антилопы и ибекса существенную деталь – важность отделения буквального смысла от символического при

прочтении Писания. Другой пример: тема «родительской заботы»¹⁵ может быть найдена во многих описаниях животных, но мы хотим отметить «контрастные» – обезьяну и ворону. Классический сюжет, прослеживающийся от басен Эзопа, повествующий об обезьяне, бросающей нелюбимого сына, продолжая нести любимого, контрастирует с текстом о вороне, заботливость которой ставится в пример человеку. Стоит ещё раз акцентировать внимание на том, что bestiary – текст дидактического назначения, а потому постоянное повторение важных тем внутри разных групп животных было необходимым. Оно не только должно было обеспечить усваивание этих тем у своих читателей, но и выстраивало в тексте определенную дискуссию. Кроме того, на наш взгляд, смысловые «тематические» взаимосвязи, охватывающие весь текст bestiaria, позволяли не только «закреплять и повторять» поучения, но и следовать по тексту нелинейно, что могло быть востребовано в тех случаях, когда текст bestiaria использовался, к примеру, для составления проповедей [10, р. 194–196].

Таким образом, гармония в структуре текста проявляет себя в двух моментах: упорядочивании животного мира согласно тексту Бытия, т.е. разделении всех животных по их зонам обитания, создании внутренней «квазиерархии» и взаимосвязывании отдельных животных, зачастую из разных блоков, через «сквозные темы», что «уравнивало» их в символическом контексте.

Выводы

Гармония как философский принцип *согласования* не может быть чужд bestiariю ни в ретроспективном отношении к его «предку», т.е. к «Физиологу», ни в его финальной форме. Мы полагаем, что особенно хорошо гармония животного мира была представлена именно в рассмотренной нами редакции текста bestiaria – Переходной семье. В ней наилучшим образом заметна имманентность присутствия гармонии, взаимосвязывающая божественный замысел и результат творения.

Единое (по форме и замыслу) и последовательное повествование о разных частях животного мира само по себе должно было иметь под собой определенный принцип их взаимосвязи, игнорировать который было бы попросту невозможно. Этот порядок следует описывать *гармонией*, поскольку космогония, закладываемая в сам bestiary, через цитирование Библии и фрагментов «Этимологий» Исидора Севильского, Амвросия и прочих предполагает гармоничный характер Творения.

Средневековый bestiary в жанровом отношении близок к шестодневам, более того, «Шестодневы» Василия Великого и Амвросия Медиоланского составляют пласт литературной истории bestiaria [2, с. 70]. И несмотря на то что сочинения Василия Великого не цитируются в bestiariaх прямо, он был использован Амвросием для составления своего «Шестоднева», а его мысли как нельзя лучше иллюстрируют природу и животный мир, в частности, изображаемый в bestiarii. Святой постулирует важную для дальнейшей латинской патристики мысль, уподобляющую сотворение мира работе художника: «...Пророк показал тебе в Боге едва не художника, который, приступив к сущности вселенной, приновляет ее части одну к другой и производит само себе соответственное, согласное и гармоническое целое» [11, с. 222]. Такая мысль важна и для нашего понимания bestiaria, где каждый объект, будь то нечистое животное, монстр или чудовище, драконы, а также и уподобляемые Христу образы, обладает индивидуальностью. Такая индивидуальность может заключаться и в определенных магических способностях, во внешнем облике или даже в наличии своего рода разума (*ratio*) и эмоций. Животный мир не одинаков в своих представителях, но един и гармоничен в целом, как на это и указывал Василий. Схожую мысль мы обнаруживаем и в «Шестодневе» Амвросия Медиоланского, прямо подчеркивающего, что Тварный мир был сформирован из частей, «...чьа природа различна благодаря неразрывным законам согласия...» (Ambr. Hex. II. 1). Именно это мы и обнаруживаем в bestiarii, где гармония состоит в непротиворечивом сочетании различных объектов (будь то конкретные животные или целые части животного мира), где одно может подчеркивать другое, демонстрируя ценность каждого элемента этой системы.

Таким образом, можно выделить следующие составляющие представления о гармонии: *многообразие тварного мира и мира животных в частности*, поскольку, формально, каждая часть животного мира получает в bestiarii достаточное внимание вне зависимости от символических коннотаций; *упорядоченность*, несмотря на то, что подобрать «ключ» к расположению статей внутри bestiaria на настоящем этапе затруднительно, мы не можем говорить о случайности размещения животных внутри разных блоков; *квазиерархичность*, проявляющаяся в том, что в рамках отдельных блоков выделяются существа, претендующие на «первенство» среди своих, что не только отражает специфику мышления средневекового человека, но и демонстрирует определенный «природный»

порядок вещей. Наиболее важным аспектом, так или иначе, представляется *согласованность*, позволяющая сочетать все объекты в непротиворечивом единстве Творения.

Примечания

1. Для Античности в определенный момент гармония – это термин, имеющий отношение к музыке, как согласование разных звуков [12, с. 67–70], и только вторично к космогоническому процессу и его характеристике; для Средневековья космогонические мотивы выходят на первый план. Благодаря Бозцию выстраивается теория мировой гармонии, предполагающая, что мир был основан на Божественном разуме и измерен числом [13, с. 49]. Музыка как звуковое проявление гармонии все ещё имеет важное значение в концепции Бозция, взаимосвязывающее его с Античностью. Однако справедливо, на наш взгляд, отталкиваясь от Василия Великого, Августина, Амвросия, говорить о характеристике процесса Творения и согласования отдельных его частей. Таким образом, мы следуем определению гармонии как антигезы хаоса, т.е. порядка.

2. Гармония фигурирует и у Августина, который в трактате о музыке стремится исследовать принципы числовой гармонии, лежащей в основе не только музыки, но и мира и человеческой души. Сама же гармония, по Августину, происходит из «высшего и вечного источника и гармонии, и пропорции, и симметрии и порядка» (Aug. De musica. VI, 17).

3. К IV–V вв. «Физиолог» был переведен на латынь и до IX–X вв. широко распространился по Западной Европе. Сам оригинальный текст латинского «Физиолога» не сохранился, однако до нас дошли 4 его редакции [14, р. 21]. В частности, именно редакции [15] мы обязаны появлению бестиариев, благодаря присоединению к латинскому «Физиологу» интерполяций и дополнений из «Этимологий» Исидора Севильского, «Шестоднева» Амвросия Медиоланского и др.

4. Сами бестиарии были подразделены М.Р. Джеймсом на 4 семьи (редакции) согласно порядку глав в рукописях [16]. Позднее Ф. Мак-Каллох дополнила и несколько уточнила это деление, выделив в самой ранней, Первой группе, три подгруппы (Bis, H и Переходную группу (Transitional)) [14, р. 25–34]. Последнее существенное изменение, чрезвычайно важное для нашей статьи, внес И. Динес, доказавший, что Переходная группа бестиариев, сочетающая в себе и черты бестиариев Первой семьи, и Второй, была создана уже после них, т.к. для её создания был необходим текст непосредственно Второй семьи [3, р. 37]. На наш взгляд, гармония как идея является крайне важной для этой редакции, что и определяет наш выбор этой группы для изучения.

5. «*Есть животное, что зовется ибексом, имеющее два рога. Крепость которых столь велика, пусть даже если бы он прыгал с высоких гор в бездну, всё тело его поддерживалось бы невредимым. Обозначает это тех просвещенных людей, когда против них что-то случается, гармонией двух Заветов, имеющих обыкновение это смягчать словно чем-то целебным. И как, если бы поддерживаемы*

[были] двумя рогами, в добрых поступках, которые они совершают, на старые и евангельские тексты опирались» – перевод автора.

6. Имеется в виду ведущая линия исследования британского антрополога М. Дуглас «Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу», предполагающая интерпретацию «нечистоты» как нарушения «порядка» вещей [6].

7. В данном случае мы прибегаем к значению естественности как некоей нормы поведения, физиологии и проч. в природе. Соответственно, неестественность – это отклонение от этой самой нормы. Бинарная оппозиция «естественное» и «искусственное», распространенная в социальной и культурной антропологии, для бестиария представляется неприменимой в принципе. Также следует отметить, что для бестиария «естественное» не соотносится с понятием «реального».

8. «*Ласка была названа как длинная мышь, так как «telon» на греческом означает «длинный». Она обладает врожденной хитростью и, когда рождает потомство, выкармливает [его] в своих норах. Она переносит их с места на место и в разных расселяя пристанищах, на змей и мышей охотятся. <...> О ласках закон запрещает их есть, поскольку она – животное нечистое. «Физиолог» говорит, что ласка семя мужское через её рот принимает и таким образом попадет оно в утробу. Во время беременности же через ухо она рождает. Рассказывают, что ласки также искусны в медицине, так что, если потомство убито и если [ласки] его смогут найти, то они вернут потомство к жизни»* – перевод с лат. автора.

9. Сама информация, вероятно всего, генетически восходит к Аристотелю [8, р. 29–30].

10. «*Есть животное, гиена, которое обитает в могилах мертвых и питается их телами. Природа её иногда может быть мужской, иногда женской. Об этом закон гласит, что ты не должен есть ни гиену, ни кого-то, кто ей подобен, поскольку она нечистая: во-первых, он крадет по овчарням пастухов и по ночам кружит вокруг их домов и, внимательно прислушиваясь, изучает их речь, чтобы подражать человеческому голосу, чтобы напасть на любого человека, которого он выманил ночью»* – перевод с лат. автора.

11. Для первых глав (от льва до тигра) используется текст и порядок ранних латинских бестиариев (редакции B-Is и H-тип B-Is); затем (от тигра до каладрия) преимущественно следует текст и порядок глав бестиариев Второй семьи; потом (от каладрия до пророка Амоса) текст вновь следует порядку ранних редакций, завершаясь главами из Второй семьи [3, р. 45–52].

12. Имеется в виду общность по зоне обитания.

13. Мы полагаем, что под эту тему можно подвести множество бестиарных статей, включая тигра, пеликана, филина, ибиса и проч., однако это не всегда может быть оправданно, учитывая многозначность прочтения многих существ. В частности, символика пеликана скорее апеллирует к Христу и мотиву жертвенности, что при прочих равных не исключает возможности рассуждения и над отношением пеликана к птенцам.

Список литературы

1. Махов А.Е. Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Изд. Кулагиной, 2011. 256 с.
2. Карнеев А.Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Санкт-Петербург: Имп. О-во любителей древней письменности, 1890. 463 с.
3. Dines I. The problem of the Transitional Family of bestiaries // *Reinardus*. 2012. № 24. P. 29–52.
4. Блескина О.Н. Петербургский «Бестиарий» Lat. Q.v.V.1. // В сб.: История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской нац. б-ки. СПб.: РНБ, 2006. С. 48–94.
5. Средневековый бестиарий: текст и миниатюры (Санкт-Петербургский бестиарий: альбом) / Авт. ст. и коммент. К. Муратова. М.: Искусство, 1984. 242 с., 70 л.
6. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 285 с.
7. *Workshop Bestiary (MS M.81)*. Pierpont Morgan Library. MS M. 81. URL: <https://www.themorgan.org/collection/workshop-bestiary> (дата обращения: 10.05.2022).
8. Hassig D. *Medieval Bestiaries: Text, Image, Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 300 p.
9. Clark W.B. *A medieval book of beasts: the Second-family bestiary: commentary, art, text and translation*. Woodbridge: Boydell press, 2006. 280 p.
10. Baxter R. *Bestiaries and their users in the Middle Age*. L.: Courtauld Institute, 1998. 254 p.
11. Василий Великий. Творения: в 2 т. Т.1: Догматико-полемические творения; Экзегетические сочинения; Беседы. М., 2008. 1135 с.
12. Лосев А. Ф. *История античной эстетики*. Т. VIII. Кн. 2. М.: Аст, 2000. 688 с.
13. Холопов Ю.Н., Поспелова Р. *Философия гармонии Бозция // Гармония: проблемы науки и методологии*. Вып. 2. Ростов-на-Дону: РГК, 2005. С. 38–66.
14. McCulloch F. *Medieval Latin and French Bestiaries*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1962. 212 p.
15. *Physiologus Latinus, éditions préliminaires verso B*, hrsg. von Francis J. Carmody, Paris, 1939.
16. James M.R. *The bestiary // History: The Quarterly Journal of the Historical Association*. 1931. 61 (XVI). P. 1–11.
17. Augustinus Hipponensis. *De civitate Dei*. PL 41. Col. 13–804.
18. Augustinus Hipponensis. *De musica*. PL 32. Col. 1081–1193.
19. Ambrosius Mediolanensis. *Hexameron*. PL 14. Col. 123–275.

**MEDIEVAL LATIN BESTIARY AND THE REPRESENTATIONS
OF THE HARMONY OF THE ANIMAL WORLD**

S.S. Grozov

The article appeals to the study of Medieval Latin bestiaries in the context of the imagination of harmony in the Middle Ages. The purpose of the article is the analysis of the ideas about the harmony of the animal world described by the medieval Latin bestiary. The author based on the Transitional family of Medieval Latin bestiaries and used two manuscripts – St. Petesburg and *Workshop* bestiaries, because harmony as an idea is extremely important and the best way shown in this text revision. The author resorts to general scientific methods (analysis and synthesis), hermeneutical and structural analysis, historical and typological method. Based on the manuscripts, the author demonstrates how image of harmony is revealed in the images of animals and the structure of the text itself. Questions are being raised about how "monsters" and unclean creatures fit into the animal world. The author draws conclusions about the immanent presence of harmony as an organizing principle. Aspects of the idea of harmony in bestiaries are highlighted: diversity of the world in general and animals in particular, their orderliness, quasi-hierarchy, consistency.

Keywords: bestiary, harmony, animal world, animals, hexameron, the Middle Ages.

References

1. Makhov A.E. *Medieval image: between theology and rhetoric. The experience of interpreting visual demonology*. M.: Kulagina Publishing House, 2011. 256 p.
2. Karneev A.D. *Materials and notes on the literary history of the Physiologist*. St. Petersburg: Institute of Lovers of Ancient Writing, 1890. 463 p.
3. Dines I. The problem of the Transitional Family of bestiaries // *Reinardus*. 2012. № 24. P. 29–52.
4. Bleskina O.N. *Petersburg «Bestiary» Lat. Q.v.V.1. // In: History in manuscripts and manuscripts in history: collection of scientific wr. to the 200th anniversary of the Department of Manuscripts of the Russian National Library*. SPb.: RNL, 2006. P. 48–94.
5. *Medieval bestiary: text and miniatures (St. Petersburg bestiary: album) / Author. art. and comment.* K. Muratova. M.: Art, 1984. 242 p., 70 p.
6. Douglas M. *Purity and danger: Analysis of ideas about desecration and taboo*. M.: Canon-Press-Ts, 2000. 285 p.
7. *Workshop Bestiary (MS M.81)*. Pierpont Morgan Library. MS M. 81. URL: <https://www.themorgan.org/collection/workshop-bestiary> (Date of access: 10.05.2022).
8. Hassig D. *Medieval Bestiaries: Text, Image, Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 300 p.
9. Clark W.B. *A medieval book of beasts: the Second-family bestiary: commentary, art, text and translation*. Woodbridge: Boydell press, 2006. 280 p.
10. Baxter R. *Bestiaries and their users in the Middle Age*. L.: Courtauld Institute, 1998. 254 p.
11. Basil the Great. *Creations: in 2 vols. Vol. 1: Dogmatic and polemical creations; Exegetical writings; Conversations*. M., 2008. 1135 p.

12. Losev A.F. History of ancient aesthetics. Vol. VIII. Book 2. M.: Ast, 2000. 688 p.
13. Kholopov Yu.N., Pospelova R. Philosophy of harmony of Boethius // Harmony: problems of science and methodology. Issue 2. Rostov-on-Don: RSU, 2005. P. 38–66.
14. McCulloch F. Medieval Latin and French Bestiaries. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1962. 212 p.
15. Physiologus Latinus, éditions préliminaires versio B, hrsg. von Francis J. Carmody, Paris, 1939.
16. James M.R. The bestiary // History: The Quarterly Journal of the Historical Association. 1931. 61 (XVI). P. 1–11.
17. Augustinus Hipponensis. De civitate Dei. PL 41. Col. 13–804.
18. Augustinus Hipponensis. De musica. PL 32. Col. 1081–1193.
19. Ambrosius Mediolanensis. Hexameron. PL 14. Col. 123–275.